

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Елены Юрьевны Кнорре «Сюжет “пути в Невидимый град” в творчестве М.М. Пришвина 1900–1930-х гг.», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности

10.01.01 – Русская литература

Диссертация Е.Ю. Кнорре создана в русле традиции отечественного литературоведения, связанной с открытием «подлинного Пришвина», творчество которого включено в контекст ключевых имен, тем и идей русской мысли. Вместе с тем Е.Ю. Кнорре находит свой особенный – новый – ракурс исследования: «Дневники» и художественные произведения писателя рассматриваются в диссертации в системе связей с таким сложным и разноликим феноменом, как китежский текст русской культуры с его мифом о Невидимом граде. Все это определяет *актуальность темы исследования* и позволяет *по-новому*, в контексте религиозной и революционной идей русской культуры, осмыслить путь Пришвина, писателя Серебряного века, становящегося признанным советским писателем и автором тайных «Дневников» 1905–1954 гг., публикация которых завершилась в 2017 г. Важно подчеркнуть, что ракурс исследования творчества Пришвина с позиции взаимосвязи текста и контекста соответствует самосознанию писателя, утверждавшего: «...каков я, таковы и вокруг меня... другой – это я же сам» (Дневники. 1914–1917. М., 1991. С. 168).

В диссертации Е.Ю. Кнорре *впервые решается задача* воссоздания «интертекстуального поля культуры» (с. 174), структурированного многообразием интенций, связанных на рубеже XIX–XX вв. с образом (идеями, мифом, сюжетом) Невидимого града. Очевидная заслуга автора – изучение творчества Пришвина в сложнейшей системе межтекстовых связей этого «поля культуры», включающего в себя поэтов-символистов (А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов), новокрестьянских поэтов (Н. Клюев, С. Есенин), философов и писателей Московского и Петербургского религиозно-

философских обществ (Д. Мережковский, З. Гиппиус, С. Булгаков, Н. Бердяев, А. Мейер, П. Флоренский С. Дурылин и др.), «деятелей федоровского движения» (В. Муравьев, А. Горский, Н. Сетницкий). К этому кругу автор периодически подключает новые имена – от Платона, И.В. Гете, Новалиса, А. Хомякова, Р. Вагнера, В. Соловьева до Д. Андреева. Столь обширный материал исследования ставит автора в сложное положение – балансирование между творческой личностью Пришвина и контекстом.

Диссертационное исследование Е.Ю. Кнорре отличается внутренним единством и четкой структурой, которая обусловлена логикой историко-культурного анализа и его хронологическими границами: 1900–1910-е гг. (Гл. 1); 1914–1916 гг., время Первой мировой войны (Гл. 2); 1917–1922 гг. (Гл. 3); 1920–1930-е гг., а фактически до 1954 г. (Гл. 4).

В *первой главе* диссертации (1.1, с. 32–52) Е.Ю. Кнорре, разграничивая китежскую легенду (народный миф) и религиозно-философский миф о Невидимом граде в культуре Серебряного века, выявляет его философские и литературные источники (Платон, Августин, А. Хомяков, В. Соловьев, П. Мельников-Печерский). На основе анализа «Дневников» и очерков-романов «В краю непуганых птиц» (1907), «За волшебным колобком» (1908), «У стен града невидимого» (1909) в первой главе (1.2, с. 52–64) показано, что «пространство китежского текста» формируется уже в раннем творчестве Пришвина (с. 63). Значимость для Пришвина ситуации «у стен града невидимого» раскрывается в главе (1.3, с. 64–78) в ходе интертекстуального анализа биографических контактов и творческого диалога Пришвина и Дурылина.

Вторая глава диссертации (с. 79–127) отличается особой актуальностью не только по причине малоизученности творчества Пришвина 1914–1916 гг., но и вследствие значительности этой темы для писателя, свидетеля Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. В главе показано, как из пришвинского опыта их переживания рождается важнейшая для писателя «идея творчества мира во время войны» (с. 100),

превратившаяся в 1930-е гг. в идею «борьбы со злом на путях добра». Особенно следует отметить в этом контексте мотив птиц на войне (художник – птица на Древе жизни), нуждающийся, очевидно, в дальнейшем изучении. Литературный и религиозно-философский контекст военной темы у Пришвина (Л. Толстой, Ф. Достоевский, Вяч. Иванов, Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Мейер, В. Эрн, С. Дурылин) позволяет Е.Ю. Кнорре интерпретировать многозначность «идеала всечеловечности» в его творчестве 1914–1916 гг.

Трансформации сюжета пути в Невидимый град, проблеме социальной и духовной революции в творчестве Пришвина 1917–1922 гг. посвящена *третья глава* диссертации (с. 128–178). В качестве контекста произведений Пришвина этого периода Е.Ю. Кнорре рассматривает скифскую идею Р. Иванова-Разумника, А. Блока, Н. Клюева, С. Есенина и делает «вывод о своеобразии освоения Пришвиным скифской идеи революции как пути в идеальный мир братства» (с. 144). Творчество Пришвина рассматривается также в контексте произведений Д. Мережковского, А. Мейера, Н. Федорова, П. Флоренского, Н. Бердяева, Е. Трубецкого, В. Соловьева, а также Е. Замятина, И. Бунина, М. Волошина и др. В главе исследуются ключевые для «интертекстуального поля культуры» первых революционных лет образы Петербурга и Китежа, благоразумного разбойника и блудного сына, чаши и чана, а также шествия со знаменем. Ключевой для концепции Е.Ю. Кнорре является мысль о том, что в творчестве Пришвина 1917–1922 гг., как и раньше, в 1900–1910-е гг., возникает «образ духовного пути личности сквозь невидимую материальную преграду (невидимую стену града) – завесу мира, символически обозначающую грех человека, закрывающий от него град Божий» (с. 145).

Мысль эта является доминантной и в заключительной, *четвертой главе* диссертации (с. 179–257), в которой автор ставит перед собой цель «рассмотреть религиозно-философский контекст как интертекстуальный комментарий к сюжету пути в Невидимый град в творчестве Пришвина

советского периода» (с. 179). Контекст включает прежде всего круг последователей Н. Федорова (А. Горский, В. Муравьев, Н. Сетницкий) и членов кружка А. Мейера «Воскресение» (А. Ухтомский, М. Бахтин, М. Юдина, Н. Анциферов и др.).

Религиозно-философский контекст позволяет Е.Ю. Кнорре по-новому интерпретировать остро актуальную и дискуссионную проблему творчества Пришвина, связанную с его поисками форм человеческого единства вне опыта советского коллективизма и идеи преобразования природы, а также сформулировать своеобразие позиции Пришвина в советский период как «противостояние и сотворчество с эпохой» (с. 199). Особенно удачным в главе четвертой представляется сюжет, связанный с жизнью и творчеством Пришвина в Сергиевом Посаде / Загорске (1926–1937), где были созданы важнейшие произведения писателя этого времени – «Журавлиная родина» и «Жень-шень».

Замечания по диссертации Е.Ю. Кнорре:

1. В диссертации не раскрывается, как автор понимает термин «сюжет», что, очевидно, ведет к метафоричности толкования ключевого для исследования термина «сюжет пути в...», который нуждается в теоретической интерпретации, ибо связан с целью исследования – проследить эволюцию сюжета пути в Невидимый град (с. 21).

2. Очевидно, что сюжет пути в Невидимый град – это проблема поэтики прозы Пришвина, в том числе прозы дневниковой, и, вместе с тем, вопрос о житнетворчестве писателя. Из диссертации неясно, насколько автору важно различение и установление связи этих аспектов.

3. Е.Ю. Кнорре закономерно связывает рождение сюжета пути в Невидимый град с творчеством Пришвина 1900–1910-х гг. и прежде всего с циклом очерков «У стен града невидимого» (1909). Вместе с тем в уточнении нуждается вопрос о том, как этот сюжет сосуществует и взаимодействует с другими векторами и маршрутами его поисков: с постижением народного мира, сектантских движений, тайны мира природы. В «Заворошке» (1905–

1913) эти маршруты, в соответствии со структурой книги, обозначены как «Родная земля», «Новые места», «Новая Земля».

4. В диссертации не всегда понятен выбор материала исследования: неясно, например, почему анализируются только два романа из трилогии об Алпатове – «Мирская чаша» (1922) и «Журавлиная родина» (1929), а роман «Кашеева цепь» (1922–1928, 1954), в котором путь автобиографического героя Пришвина (и автора) представлен целостно, завершено, не становится объектом анализа.

5. Е.Ю. Кнорре справедливо подчеркивает «многозначность образа Невидимого града в творчестве Пришвина» (с. 6), пишет о Невидимом граде как об образе и мифе (например, на с. 16–17), а также устанавливает соответствие понятий «Град Божий» – «церковь-община» – «невидимая церковь» – «Невидимый град» (с. 17). Возникает закономерный вопрос о целостном истолковании Невидимого града Пришвина, разграничении мифа и образа Невидимого града, их значениях, объеме смыслов и характере их трансформации в творчестве Пришвина от 1900-х гг. к 1930-м гг. Очевидно следует также уточнить: тождественны ли для Пришвина «невидимый град Китеж» и «Невидимый град»?

6. С моей точки зрения, следует уточнить роль интертекстуального анализа в системе методов исследования, обозначенных в работе (с. 24).

7. Завершение сюжета пути в Невидимый град (с. 248–257) Е.Ю. Кнорре связывает с биографическими факторами: встречей Пришвина с В.Д. Лиорко, что, в частности, отражено в их совместной дневниковой книге «Мы с тобой» и в мемуарной книге В.Д. Пришвиной «Невидимый град». В диссертации, однако, нет четкого ответа на вопрос, как в связи с этой встречей в текстах и жителтворчестве писателя меняется понимание им образа Невидимого града и пути к нему.

Следует подчеркнуть, что замечания свидетельствуют о реальной сложности темы и материала исследования и не снижают его качества, не

вливают на высокую оценку его результатов и связаны в немалой степени с перспективами работы.

Диссертация Е.Ю. Кнорре носит прежде всего историко-литературный характер. Ее *теоретическая значимость* заключается в уточнении понятий «религиозно-философский контекст творчества Пришвина», «китежский текст русской литературы».

Практическое значение работы видится в том, что ее богатый эмпирический материал и выводы могут быть использованы в вузовских курсах по истории русской литературы XX в., а также при разработке элективов, посвященных творчеству М.М. Пришвина и китежскому тексту русской культуры.

Результаты исследования Е.Ю. Кнорре прошли необходимую апробацию: были обсуждены на многочисленных международных и всероссийских конференциях; по теме диссертации опубликовано 37 научных работ, шесть из них – в изданиях, рекомендованных перечнем ВАК РФ. Автореферат и публикации адекватно отражают содержание диссертации.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что диссертация Е.Ю. Кнорре представляет собой законченное научно-квалификационное исследование, выполненное автором самостоятельно.

В работе решена научная задача, имеющая значение для современного литературоведения. Диссертация соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор – Елена Юрьевна Кнорре – заслуживает искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Официальный оппонент:

профессор кафедры журналистики

Института социально- гуманитарных наук

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный

университет», доктор филологических наук
[10.01.02 – Литература народов СССР
(советский период)], профессор

Место работы:

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»,
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
тел. 8 (3452) 59-74-29

rector@utmn.ru

n.p.dvorcova@utmn.ru

8.11.2019

Наталья Петровна Дворцова

Ученый секретарь

Тюменского государственного
университета

8.11.2019

Эмма Михайловна Лимонова